

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАСЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Р. Г. Ляпунова

**НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О РАННИХ ПЛАВАНИЯХ
НА АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА
(«ИЗВЕСТИЯ» ФЕДОРА АФАНАСЬЕВИЧА КУЛЬКОВА
1764 г.)**

Изучение источников по истории открытия и исследования русскими северо-западных берегов и территорий Америки органически связано с исследованием русских географических открытий, ряда вопросов истории России этого периода (включая внешнеполитические аспекты), а также с изучением коренного населения Северо-Западной Америки. Как отмечал С. Б. Окунь, в советское время сложилась своеобразная школа, руководствующаяся в своих исследованиях принципами тщательного и всестороннего анализа источников на основе методов географического и исторического исследования и критического подхода к документу [3, с. 3, 4]. Основатели этой школы географ акад. Л. С. Берг, источниковед проф. А. И. Андреев и историк чл.-кор. АН СССР А. В. Ефимов ввели в научный оборот множество ценнейших новых источников, состоящих из официальных документов, эпистолярного и мемуарного наследия и из картографических материалов. Эти источники послужили основой многих важных исследований и отправной точкой дальнейших публикаций.

Наиболее ранними из этой серии источников являются документы, связанные с историей открытия и исследования Алеутских островов. Продвижение русских дальше на восток после освоения огромных пространств северо-востока Азии и выхода на берега Тихого океана привело к составившим целую эпоху в истории открытия и освоения русскими Северо-Западной Америки плаваниям во второй половине XVIII в. в северной части Тихого океана, к открытию и освоению русскими первопроходцами сначала Алеутских островов, а затем и всей Северо-Западной Америки в целом.

Вторая Камчатская экспедиция во главе с В. Берингом и А. И. Чириковым (1733—1743), проложившая путь к Алеутским островам и в Северо-Западную Америку, явилась началом многочисленных плаваний предприимчивых русских купцов, мореходов и промышленников на Алеутские острова. Привезенные спутниками Беринга ценные меха и сведения о пушном богатстве вновь открытых земель послужили толчком к организации артелей, а позже и более крупных торгово-промышленных компаний для экспедиций на Алеутские острова. Во время этих промысловых плаваний один за другим были

открыты новые острова, пока вся цепь Алеутских островов, п-ов Аляска, о-в Кадьяк, а далее и вся территория Аляски не стали известны русским. В результате этих плаваний (общее число их за вторую половину XVIII в. было свыше 100) мореходы, купцы и промышленники подавали «сказки», «репорты» и «доклады» в канцелярию Охотского порта и Большерецкую канцелярию со сведениями о вновь открытых островах, их природе, жителях. Публикация этих интересных документов была начата лишь в наше время. Л. С. Бергом были опубликованы «репорт» П. Васютинского и М. Лазарева, «описания» А. Толстых [2]. А. И. Андреев осуществил публикацию донесений С. Пономарева и С. Глотова, С. Черепанова, И. Коровина, И. Соловьева, В. Шилова [5]. Все еще обнаруживаются новые интересные рукописи, но число сохранившихся от этого времени документов весьма невелико. Поэтому введение каждого такого нового источника важно для дальнейших исследований.

Одним из таких источников и являются «Известия, собранные из разговоров вологодского купца Федора Афанасьевича Кулькова о так называемых Олеуцких островах в Санкт-Петербурге 1764 году» [1, д. 17, л. 245—251]. Сведения из этого документа относятся к плаванию 1759—1762 гг. судна «Захарий и Елизавета», мореходом которого был Степан Черепанов, компании купцов: шуйского — Степана Постникова, тульского — Семена Красильникова, яренского — Степана Тюрина, вологодских — Федора и Василия Кульковых. Этому плаванию была посвящена публикация А. И. Андреева «1762 г. августа 3. „Сказка“ тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759—1762» [4, с. 113—120]. Эта «сказка» засвидетельствована Судором Кульковым: «В вышеописанной же точной силе и компанейщик судовой вологодский купец Федор Кулков объявил и засвидетельствовал» [4, с. 120]. В Архиве внешней политики России хранится дело, содержащее кроме опубликованного А. И. Андреевым и другие, не публиковавшиеся документы этого плавания [1, д. 6]. Так, имеется датированный более ранним числом (31 июля) «В канцелярию Охотского порта от купцов тотемского Степана Черепанова и вологодского Федора Кулькова — Репорт» со сведениями о привезенных мехах. Здесь же приводится и «Реестр прибывшим на купецком промышленном судне „Св. Захарий и Елисавета“ людям». Есть в деле и «Высокородному господину высокопревосходительному господину гайному советнику и сибирскому губернатору Федору Ивановичу Соймонову из Охотска флота капитана Ртищева Всепокорнейший репорт» о прибытии 24 июля 1762 г. этого судна, с описью привезенных мехов. И, наконец, поданный 13 августа 1762 г. «В канцелярию Охотского порта камчатской команды от казака Афанасия Перебьянина с описанием плавания — Репорт».

Рассматриваемый нами документ является еще одним источником сведений по этому плаванию — одному из первых к Ближним островам Алеутской гряды. Кроме исторических сведений все эти документы содержат первые известия о расположении островов, их природе и жителях. Сведения Кулькова, не расходясь в главных утверждениях с данными «Сказки» С. Черепанова (опубликованной А. И. Андреевым) и перечисленных выше непубликовавшихся документов, в ряде случаев расширяют и уточняют их. Но вместе с тем «Известия» Ф. Кулькова представляют и дополнительный исторический интерес.

Здесь необходимо остановиться на том, что именно привлекает внимание в рассматриваемом документе уже при первом брошенном на его заглавие взгляде: он записан со слов Ф. Кулькова в Петербурге в 1764 г. (но, к сожалению, подпись записавшего отсутствует).

Известно, что промысловая деятельность на Алеутских островах купеческих компаний проходила при благожелательном отношении правительства к стремлению открыть новые земли. Уже в 1749 г., когда в Петербурге стало известно об открытии М. Неводчиковым трех Ближних островов, стали приниматься меры (путем снабжения соответствующими инструкциями отправляющихся в новые плаванья) к выяснению возможности приведения в российское подданство жителей новооткрытых земель, выявлению естественных богатств островов.

Русское правительство всемерно поддерживало и поощряло деятельность частных предпринимателей, выдавая ссуды на организацию плаваний, награждая целые компании и отдельных купцов и даже возводя их в дворянство. Но вместе с тем готовились и более активные действия для освоения открытых русскими мореплавателями земель. Результатом их была первая правительственная экспедиция 1764—1769 гг., возглавленная капитанами П. К. Креницыным и М. Д. Левашовым, на Алеутские острова. За ней последовали и другие экспедиции.

К планируемым правительственным экспедициям тщательно готовились в адмиралтейской коллегии: составляли карты на основе карт и данных промышленников, изучали подробности плавания к островам, природные условия и т. д. В подготовке экспедиций принимала участие и Академия наук. Повидимому, именно в связи с этими событиями и появился документ с «Известиями» Ф. Кулькова. Примечательно, что в тексте документа есть строки о том, что Кульков сведения об одежде островитян сообщил уже в «здешнюю императорскую Кунсткамеру». Не случайно поэтому то, что данная рукопись привлекла внимание историка Б. П. Полевого, обнаружившего ранний вариант второй циркумполярной карты М. В. Ломоносова, на которой в качестве дополнения обозначен «путь Кулькова» [4].

Первые страницы рукописи посвящены определению географического положения Ближних островов относительно Камчатки, о-ва Беринга, а также других Алеутских островов, необходимого к ним в пути времени и наиболее благоприятных для плавания месяцев. Следует отметить, что все эти сведения отсутствуют и в «сказке» С. Черепанова, и в других указанных документах.

Затем в «Известиях» подробно описываются природные условия островов, животный мир, растительность главного и самого большого острова (Атту), на котором промышленники вели промысел морских животных — котиков и морских бобров. Даются сведения о численности островитян, особенностях их быта, другие этнографические подробности (одежда, специфические украшения, пища, обычаи при вступлении в брак, особенности ухода за младенцами и т. д.). Характеризуется физический тип островитян, особо при этом отмечается хорошее здоровье и долголетие алеутов. Останавливается также Кульков и на особенностях быта на островах русских промышленников.

Имеющиеся в рукописи этнографические данные могут пополнить наши

знания о традиционной культуре алеутов, ибо они относятся к тем ранним годам, когда влияние русской культуры на культуру алеутов еще не распространилось.

Для лингвистов могут быть интересны следующие рассказы Кулькова. Он отмечает, что жители говорят «языком по сие время в Российском государстве никогда не слыханном» и что «камчадалы... онаго [языка] нимало не разумеют». И, наконец, «те же из олеутцов, которые больше с промышленниками нашими обращаются и им прислуживают, нарочито уже могут на нашем языке изъяснить свои мысли». Особенно интересно утверждение Ф. Кулькова о том, что эти люди «сами себя на своем языке называют Олеут», хотя ряд исследователей утверждают, что это название было дано алеутам русскими или народами азиатского побережья. Следует отметить при этом, что вопрос о происхождении названия «алеуты» до сих пор еще остается неясным и дискутируемым в науке.

И, наконец, за сведениями «как самовидца» идет «слышанное»: об открытии другими промышленниками множества более дальних от Камчатки больших и малых островов с многолюдным населением, где промышленники по этой причине побоялись высаживаться. Упоминает Ф. Кульков и земли «матерой земли Америки, из которой де следы, может быть, уже не безизвестны некоторым промышленникам, особливо тем, которые, прежде всего искав Олеутские острова, блудили долго по морю и заходили весьма далеко».

Предлагаем публикацию этой рукописи.

Сколько мог он, Кульков, о положении тех островов заметить, то оные, ежели пуститься к Американским берегам с Берингова острова, который они (т. е. русские промышленники — *Р. Л.*) обыкновенно называют Командорским, склоняясь против в пути своем нарочито в правую сторону, расстоянием от того острова лежат втрое или вчетверо далее, нежели оной от Камчатки. В добрую и сильную поветеру (погоду.— *Р. Л.*) некоторым промышленникам удавалось с Берингова до тех островов доезжать в семь, восемь и девять суток, но в переменную и по большей части противную погоду многие принуждены были на море оставаться пять и шесть, а иные и семь недель. Сам он, Кульков, в таком своем пути проехал около четырех недель. Числом оных островов, которые теперь известны под именем Олеутских, три, и лежат один от другого неподалеку так, что в тихую погоду греблю на тамошних кожаных байдарах можно легко с одного на другой в летний день переезжать, что нередко и делают тамошние жители, которые перемененно на оных кочуют. Ныне главная часть из их, равно как и наши промышленники, держатся более того же острова, на котором сам он, Кульков, с компаниею своею жил два года. Лучшее и безопасное время, по его объявлению, как ездить на те острова, так и с оных возвращаться, продолжается почти четыре месяца, то есть, июнь, июль, август и сентябрь почти весь. Жителей на сем острове (то есть на котором Кульков жил.— *Р. Л.*) как

мужеска, так и женска полу, наберется около ста человек. Из оных по сие время не токмо многие объясашены (объясачены.— *Р. Л.*), но один уже и приведен в православную нашу Греко-российскую веру, которого Кульков оный вывозил в Охоцк, и оттуда по окрещении его опять на свою (т. е. его.— *Р. Л.*) родину отправил, что сам я мог видеть из данной ему при указе от Охоцкой Канцелярии инструкции.

Остров оный состоит единственно из каменных хребтов. В длину он простирается, по объявлению Кулькова, верст на девяносто, а в ширину будет около девятнадцати. Подошва сей горы, особливо к берегу морскому, почти по всей ея окружности покрыта нехудою наносною землею в вышину на четверть аршина, а в иных местах и до полуаршина, в ширину от берега до подъема горы на версту и на полторы, на которой растет великое множество разных и при том с хорошими цветами трав. Некоторые из оных имеют большие корни наподобие нашей моркови и петрушки, которые, будучи сварены в какой-нибудь похлебке, как оной придают хорошей вкус, так и сами остаются еще вкусны и мякки; другие же, хотя подобны видом прежним, однако в пищу употребляемы быть не могут иначе, как только сырыя; понеже, как скоро сварятся, то теряют и вкус свой, и сверх того, еще твердеют или древеенеют так, что не можно бывает и ужовать их больше. Хребты самые, особливо верьхи их, состоят почти из одного только гольца, на котором по всему острову не примечено никакого дерева, ниже травы, кроме одного и то мелкого моху. Да и на подошве горы, которая покрыта землею, не растет никаких дерев, кроме небольшого рябинового прутника, который будучи весьма гибок и при том тонок, как от собственного своего в летнее время плода или ягод, которые на нем растут весьма густы и крупны, так и от случающихся там в зимнюю пору сильных бурь и ветров, наклонены всегда к земле, почти стелется по оной; почему промышленники наши и называют его там сланцом. Ягоды на нем гораздо крупнее, сочнее и вкуснее наших.

Хотя лесу там удобного к строению или к варению пищи так, как здесь (т. е. в России.— *Р. Л.*) дрова, никакого не растет, однако в оном наши почти никогда недостатку не имели, потому что много там случается наноснаго, которой иногда целыми лесинами или деревьями с моря к острову прибывает погодами. Знак, может быть, что в недалежном оттуда расстоянии находятся и места лесистыя. Между прочими деревьями нашли они на берегу один большой отломок, чаятельно от кормы какого-нибудь иностранного разбитого судна, на котором вырезаны большия литеры и вызолочены; а на каком языке, разобрать они не могли. Отломок сей так, как он был найден, привезли они в Охоцкую Канцелярию, где он чаятельно и поныне хранится. В пресной воде также нужды там никогда не бывает по причине многих речек, которые из хребтов протекают.

В соли также, которую наши, сколько когда им надобно, вываривают из морской воды, и о которой жители тамошние до приезда к им русских никакого понятия не имели.

Земных зверей на сем острове никаких не примечено, кроме одних песцов; да и те завелись там случайно от завезенной туда одной пары некоторым из наших промышленников. Следующее о сем звере некоторым покажется, может быть, невероятно, но мне оно объявлено за подлинное, а именно: от одной сей песцов пары чрез малые годы такое множество расплодилось там их, что теперь не только тамошние жители, но и самые промышленники наши принуждены сносить иногда крайнее от их беспокойство, и от набегов их никогда невозможно уберечь вещей своих довольно: ибо они все, что только могут сыскать, кроме камня, железа и дерева, или совсем уносят и съедают, или, по крайней мере, портят, особливо байдары, которые там шьются из сивучевых кож и в которых состоит почти все бедных оных жителей богатство. Часто на их спящих объедают платье, и, будучи почти в пустой земле, особливо зимою, голодны. Ночную порою, когда люди заснут, подкравшись тихонко угрызают их за руку или ногу; иногда случится, что и за нос; и, таким образом, нередко и притом нарочито вредят у людей тело. Таким случаем завелись песцы на том острове, а до того времени никаких зверей там не бывало, по объявлению самих жителей.

Морских зверей, которые бы там множеством водились, считается только два рода: бобры и сивучи. Первых промышляют наши, как огнестрельным оружием, так и сетями и особливыми некоторым заколами; а вторых добывают разными способами, но больше огнестрельным же оружием. Киты являются там редко, а морские коровы и того реже, которых промышленники называют Командорскими коровами, потому что они по большей части водятся около Берингова или Командорского острова. Птиц на сем острове находится также немало и притом разных родов, особливо морских. Рыбы безмерное множество всякой и при том крепкой, как трески и ей подобной, особливо при тихой погоде в заводах и речках.

В рассуждении руд или минералов не мог я от одного Кулькова, как человека в сем деле ничего не знающего, наведаться ничего почти примечания достойного. Объявил он мне только, где во многих там местах находятся с песком и древесью смешены светлые некакая белая и желтоватая, величиною с булавочную головку, иная и вдвое против оной, твердая и легкая или тяжелая шарички, которых хотя и пытались они выплавлять, однако ж по ожиданию их ничего годного из того не выходило, но все згорало и обращалось в пепел. Напротив того, много, и в некоторых местах целыми буграми по хребтам, лежит чистой горючей серы, которую тамошние жители выкалывают оттуда кусками наподобие камней, и которых употреб-

ление в достовании огня было им известно еще до приезде к ним русских. Достают они огонь помощью оных следующим образом. Разослав по земле несколько сухой осоки или камышу морского, усыпают их сверху толченою серою, после чего, взяв в руки два камня или кремня, бьют их один о другой, пока из них посыплется на серу искры, от которых она загоревшись зажигает напоследок и камыш или осоку.

Воздух на сем острове показался нашим чист и здоров. Из заезжавших туда во время Кулькова редко кто немог, а все находившиеся на его судне, выключая только одного их водшего, люди были тогда небывалые; и сверх того, все они должны были во всю их там двухлетнюю бытность питаться единственно рыбою, бобровиною и сивучевиною, не евши хлеба, как только раз пять или шесть. Летняя и притом весьма теплая погода стоит там почти целые девять месяцев, а зима начинается в начале марта или в исходе февраля и продолжается только три месяца, то есть март, апрель и май, иногда, по объявлению некоторых промышленников, захватывает почти и половину июня; однако и тогда стужа весьма сносная так, что жители тамошние могут ея сносить без дальней нужды, будучи босы и не имея на себе вместо всего одеяния, как только одинаковое и то тонкое платье, зделанное наподобие рубашки, только с капюшоном, из сивучевых кишок или рыбьих пузырей. Снег хотя выпадает иногда на четверть аршина вышиною, однако стоит недолго, и морозов там больших не примечено. По чему можно рассудить, под каким климатом или градусом широты должны лежать острова сии. Иногда случаются там сильные землетрясения так, что от оных в некоторых местах не только расседают хребты, но и совсем рушатся. Зимнею порою нередко бури, вихри и наводнения бывают ужасныя. Ветры в то время дуют иногда столь сильны, что мочному человеку не можно на ногах устоять от оных. Приключение сие случилось один раз с самым Кульковым, котораго нечаянный вихрь, подхватив, вертел и мчал его по хребту около доброй полверсты.

Что касается до сложения, нравов и количества тамошних жителей, число оных на том острове в рассуждении его величины весьма невелико; ибо, как уже о том объявлено было выше, как мужеска, так и женска полу больше ста человек не наберется. Росту они по большей части среднего, больших мало; но плечисты и мочны. Мушины лицом смугловаты с носами больше покляповатыми, без бород, да и на голове волосы всегда догола бреют, и то каменными, или, что еще удивительнее, костяными ножами. Женской пол лицом красен, только чист и пригож. Волосы имеют черные, которые ныне больше заплетает в косы. Вместо украшения своего по тамошнему вкусу между прочим в нижней губе носит по два большия из рыбьих или сивучевых костей зделанныя зуба (или клыки), котория они вставляют в проверченныя еще с младенчества их в той губе

дыры или лунки. Мушины нравы имеют тихие, просты или безхитростны, в исполнении данного своего обещания безмерно суетливы и постоянны. Напротив чего, женской пол примечен очень весел, ветрен, и к непозволительным с мушинами обхождениям безмерно склонен. В платье как мушины, так и женщины разности почти никакой не имеют, зимою и летом носят тоже, какое я сообщил в здешнюю императорскую Кунсткамеру. Называют они его на своем языке камлей. Обуви никакой не имеют, но зиму и лето ходят босы. Холи около себя, да и ни в чем, чистоты никакой не наблюдают, почему смрадны и вшивы. Пищу употребляют и ныне почти всегда сырую, а до приезда к им наших о варении оной никогда не помышляли. Питаются по большей части рыбою, также бобрами и сивучами, временем и китовиною, ежели, когда выбросит им на берег море мертвого кита (та же самая пища там обыкновенно бывает и для наших промышленников, выключая, что сии едят оную больше вареною). В летнюю пору много такождь едят из вышеобъявленных кореньев. И как в то время довольно имеют они пищи, то отъедаются тогда сильно, и чрезмерно бывают тучны. Напротив того, зимою за недостатком оных крайне худеют и претерпевают иногда великой голод, особливо, ежели когда зима бывает бурная и снег стоит долго. Тогда они все то время почти безвыходно лежат в хребтах, где вместо юрт или кабанов, которых они не знают, служат им расселины и норы между развалеными каменьями, а вместо постели камыш или осока. Да и новорожденных своих младенцев вместо пеленок обертывают в одеяльцы из той же осоки плетеная, или которые по-промышленнее, в зделаная из сивучевых кишок или рыбьих пузырей. Несмотря на нужное такое и суровое содержание живут всегда почти здоровы и, сверх того, как приметили по лицу их наши, долговечны. Сами себя на своем языке называют Олеут. О предвечном и всемогущем мира сего творце никакого понятия не имеют; однако, идолопоклонничества, ниже шаманства никакого у их не примечено. Не усмотрено такожде нашими никаких особых обрядов в посягании женского их пола за мужа; но лишь бы объявилась между какою парюю друг к другу склонность и любовь, то и начинают жить вместе, как муж с женою. И так часто случается, что в замужестве сестра живет с родным своим братом. Девки посягают замуж весьма молоды, будучи лет тринадцати или четырнадцати, а много что пятнадцати. Народ сей языком говорит, по сие время в Российском государстве никогда еще не слыханным. Камчадалы, может быть, близкие их соседи, онаго нимало не разумеют. Те же из олеутцов, которые больше с промышленниками нашими обращаются и им прислуживают, нарочито уже могут на нашем языке изъяснять свои мысли.

В сем состоит все то, что я мог упомянуть из разговоров онаго Кулькова об одном из Олеутских островов, как самовидца;

прочее за сим следующее сказывал он мне, как слышанное, а имянно.

Некоторые промышленники пробрались по тому же морю за Олеутския острова вчетверо или пятеро далее, нежели как оные отстоят от Командорского, где напоследок открыли они великое множество больших и малых островов; однако ж на берега оных выходить не посмели для того, что усмотрели они на всех их много народа, сами будучи немногочлюдны и не имея при себе никакого кроме ружей и копьев оружия. Ежели бы де, говорил он при том, дозволено было промышленникам иметь на судах своих пушки, то бы, конечно, отважились они не только те острова изведать, но пробрались бы и до матерой земли Америки, из которой де следы, может быть, уже не безизвестны некоторым промышленникам, особливо тем, которые, прежде всего искав Олеутские острова, блудили долго по морю и заходили весьма далеко.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики России. Собрание документальных материалов по истории Российско-Американской компании и русских владений в Северной Америке (1733—1928), ф. 339, оп. 888.
2. Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов.— «Землеведение». 1924, т. 26, в. 1—2, с. 114—132.
3. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.
4. Полевой Б. П. Ранний вариант второй полярной карты М. В. Ломоносова 1764 г.— «Известия АН СССР». Серия географическая, 1977, № 2.
5. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1944; Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., М., 1948.